

УДК 314 (571.54)

КАЛЬМИНА *Лилия Владимировна* — доктор исторических наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; kaltminal@gmail.com)

НАСЕЛЕНИЕ БУРЯТИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI в.: ЭТНИЧЕСКИЙ ПЕРЕДЕЛ

Аннотация. На материалах переписей населения в статье определяются изменения этнической картины Бурятии на протяжении более чем векового периода. Автор показывает, что, несмотря на неоднократную смену общественно-экономического строя и обусловленную этим разницу задач, стоявших перед регионом в тот или иной период, весьма заметны устойчивые тенденции этнического развития республики.

Ключевые слова: Бурятия, этническая картина, идентичность, перепись населения, буряты, русские, эвенки, евреи, мусульмане

Статья подготовлена в рамках государственного задания Института этнологии и антропологии РАН.

Источниковой базой статьи послужили переписи населения, начиная с Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и заканчивая последней переписью населения Российской Федерации 2021 г. Такого рода учет имеет массу «побочных эффектов», поскольку часто точно определить национальность нет возможности. В частности, в Переписи 1897 г. этническая принадлежность вообще не указывалась, и идентифицировать людей приходилось по языку, который они называли в качестве родного. В более позднее время появлялись иные сложности: переписываемые либо затруднялись с идентификацией в случае, к примеру, разной этнической принадлежности родителей, либо вообще ее не указывали, и доля последних от переписи к переписи росла. К примеру, согласно переписи 2021 г., таких было более 7%. Что касается вопроса двойной идентичности, то, как указывает В.А. Тишков, в России он возник только при проведении последней переписи, хотя назрел давно. Росстат под давлением этнологов и международных рекомендаций впервые предоставил возможность «детям разных народов» назвать и вторую национальность, правда, в той же графе через запятую, чем в Бурятии воспользовались 4,7% опрошенных [Тишков 2023: 187, 196].

Тем не менее перепись остается самым точным источником учета населения, потому что данные здесь получены путем сплошного опроса. Несмотря на всевозможные погрешности, нам удалось выявить некоторые стойкие тенденции, определяющие этническую картину Бурятии на протяжении длительного хронологического периода.

Русские и буряты: перемена мест слагаемых

Самые крупные этнические группы в весь исследуемый период времени — русские и буряты. Изначально на формирование населения на территории современной Бурятии в наибольшей степени оказывали влияние воспроизводственные процессы коренных народов, в первую очередь более многочис-

ленного бурятского, а также эвенкийского населения. Впоследствии определяющую роль в процессе складывания этнической картины стали играть русские переселенцы из западных губерний России. История знает несколько волн притока русского населения в регион: вхождение Бурятии в состав Российской империи, уголовная и политическая ссылка, развитие товарно-денежных отношений, золотодобыча, строительство Транссибирской магистрали, индустриализация, крупные стройки социализма. Согласно переписи 1897 г., русский язык в качестве родного указали 54,6% населения нынешней территории Бурятии, бурятский — 41,6%¹. Иные справочники, которые Забайкальский статистический комитет выпускал ежегодно, показали примерно такие же пропорции при том, что родной язык в них не указывался, и идентифицировать людей приходилось по вероисповеданию², где заложена более высокая погрешность.

В 1930–1940-е гг. наблюдался высокий наплыв русского населения на стройки пятилетки: в 1926–1939 гг. его прирост составил почти 155 тыс. чел., что значительно снизило долю коренного населения. Если в начале 1930-х гг. численность бурят составляла 130,2 тыс. чел., или 33,5% всего населения Бурятии, то в 1939 г. доля бурят снизилась до 21,3%, хотя эти годы характеризовались исключительно высокими темпами естественного прироста — более 25 чел. на 1 тыс. населения [Мангатаева 1995: 72]. Однако в существенном сокращении доли бурят в населении республики были «виноваты» не только русские. В сентябре 1937 г. из Бурят-Монгольской АССР были выделены и переданы в соседние Иркутскую и Читинскую области аймаки с преимущественно бурятским населением, что весьма существенно сократило его численность. Такое изменение административно-территориального деления диктовалось опасениями коллаборационизма бурятской части населения республики в случае войны с Японией, и административное разделение территории Бурят-Монголии было призвано ослабить республику как национальное образование и тем самым укрепить безопасность региона [История Бурятии 2011: 138]. Фактически это было логическим продолжением политики самодержавия в XIX в., когда стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, стало преобладающим [Дамешек 2012: 18]. Приграничное положение Забайкалья изначально предполагало постоянно существующую опасность военных конфликтов. А коренное население, обособленное от русских сибиряков своими обычаями, системой управления, языком и религией, считалось не вполне благонадежным и в качестве «радетелей за русское дело» не рассматривалось.

В целом в советский период, с 1926 по 1989 г., темпы роста русского населения были значительно выше, чем бурятского, — соответственно, в 3,0 и 1,9 раза, что объясняется большим притоком специалистов из европейской части страны на строительство ряда крупных народнохозяйственных объектов [Осинский, Бояк, Добрынина 2019: 41]. По переписи 1959 г., русские

¹ Подсчитано по: *Первая Всеобщая Перепись населения Российской империи 1897 г.* (под ред. Н.А. Тройницкого). Т. LXXIV. Забайкальская область. СПб: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1904. С. 60–61.

² Подсчитано по: *Памятная книжка Забайкальской области на 1871 год.* Иркутск: Изд. Забайкальского областного статистического комитета (под ред. И.А. Мельчукова). 1871. С. 87; *Обзор Забайкальской области за 1900 год.* Чита: Типография Забайкальского областного правления. 1901. Введ. 8; *Обзор Забайкальской области за 1907 год.* Чита: Типография Забайкальского областного правления. 1908. Введ. 8.

составили почти 3/4 населения республики, в 1989 г. — без малого 70%. Однако в постсоветское время их ряды стали сокращаться: за 20 лет между переписями 2002 и 2021 гг. русское население уменьшилось на без малого 84 тыс., доля русских в населении Бурятии при этом сократилась с 67,8% до 59,5%. Основной причиной стал миграционный отток, корни которого кроются в невозможности для квалифицированных специалистов реализовать себя и иметь достойное вознаграждение за свой труд, низкий уровень трудоустройства выпускников вузов и невысокая оплата их труда, что побуждает их на «поиски счастья» в других регионах. Бурятское население весь этот период росло и в абсолютных цифрах, и в процентном отношении: от 20,17% в 1959 г. до 30,6% по последней переписи¹. Если в советский период это объяснялось широкой социальной программой, обусловившей рост уровня жизни, который, соответственно, обеспечивал и рост численности этноса, то в постсоветское время доля бурятского населения стала расти за счет сокращения русского. Среди покидающих республику много и бурят, которые уезжают по тем же причинам, но все же их миграция в другие регионы не столь интенсивна. Исследователи отмечают рост степени консолидации бурят в рамках республики как характерную особенность демографической характеристики этноса [Осинский, Бояк, Добрынина 2019: 42].

При снижении доли русского населения и, соответственно, увеличении бурятского общая тенденция численного и процентного преобладания русских ввиду значительной «форы», заложенной еще столетие назад, сохраняется.

Эвенки: многочисленность малочисленности

До революции коренной малочисленный народ Севера эвенки в Забайкалье составлял третью по численности группу после русских и бурят. Их доля в населении области равнялась 4,5%. Однако в основном они жили в Читинском округе [Козулин 2004: 106]. На территории нынешней Бурятии, по переписи 1897 г., тунгусоязычное население составляло 3 823 чел., или 1,2% населения, уступая третью позицию евреям. В годы советской власти численность эвенкийского населения колебалась в пределах 1,1–1,8 тыс. чел. (0,1–0,3%), что исследователи объясняли усиленной ассимиляцией [Мангатаева 1995: 72]. Однако такое объяснение кажется нам одномерным. Более убедительной видится причина сложности приспособления эвенков к новому образу жизни, продиктованному индустриализацией общества, с иным характером труда и жесткой трудовой дисциплиной, что вместе с ухудшением экологической обстановки не могло не сказаться на воспроизводстве населения [Трансграничье России... 2024: 233]. С конца 1980-х гг. численность эвенкийского населения неуклонно растет, приблизившись, по последней переписи, к 3 тыс. чел., хотя к статистике в данном случае мы бы относились с осторожностью. По некоторым оценкам, рост численности эвенков обеспечивает не столько рождаемость, сколько законодательство, предусматривающее льготы коренным малочисленным народам Севера при условии их занятий традиционными промыслами — охотой и рыболовством. На конференции коренных малочисленных народов Севера (КМНС) Бурятии в 2017 г. участники выразили обеспокоенность практикой, когда имеющие далеких предков-эвенков пользуются этим для «записи в КМНС», чтобы получить льготы на

¹ *Население Бурятии*. Доступ: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Население Бурятии](https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Бурятии) (проверено 18.07.2025).

природопользование. Такая форма «этнического предпринимательства» была отмечена еще при анализе данных переписи 2002 г., когда за межпереписной период 1989–2002 гг. эвенкийское население Бурятии без намека на всплеск рождаемости и существенные миграционные перемещения выросло сразу на 39% [Кальмина 2018: 431].

Евреи: продолжающийся исход

Казалось бы, насколько оправдан в контексте статьи данный фрагмент? По переписи 2021 г., численность евреев в республике составила всего 195 чел. (0,02% общего населения Бурятии), и их влияние на этническую картину республики практически нулевое. Однако в исторической ретроспективе народ был весьма заметен — и в экономическом, и в культурном, да и в статистическом плане, будучи тогда третьим по численности на нынешней территории республики. По переписи 1897 г. иудеи (в данном случае евреев проще идентифицировать по вероисповеданию, чем по языку, поскольку в Сибири для многих родным языком стал русский) составили 1,3%¹. В действительности их было еще больше, поскольку некоторая их доля, хотя и незначительная, приняла православие. Анализ обзоров Забайкальской области за период с 1894 по 1910 г. показал, что, к примеру, в Баргузине их численность до революции стабильно превышала треть населения, а иногда доходила почти до половины [Кальмина 2003: 369]. Исследователи обратили внимание на тот факт, что на роль столицы Бурят-Монголии был избран находившийся в центре бурятского этноареала Верхнеудинск (нынешний Улан-Удэ), хотя до этого он был русско-еврейским городом [Балдано, Кириченко 2015: 75, 81]. Концентрация еврейского населения в регионе была обусловлена дореволюционным законодательством, предписывающим всяческое ограничение въезда евреев в Сибирь, а сосланных туда возрастных евреев предполагалось сосредоточивать в наиболее отдаленных местах — в Якутской области и за Байкалом [Кальмина 2003: 21].

Первый массовый отток еврейского населения Сибири и Дальнего Востока в Маньчжурию был вызван Октябрьской революцией в России 1917 г., которая пробудила национальное самосознание у всех национальных меньшинств бывшей империи. После упразднения ДВР, в которой наблюдалось оживление еврейской жизни, в отношении сионистов, лелеявших надежду на создание собственного национального государства, начались силовые акции. Но Национальный совет евреев Урала и Сибири имел тесные связи с сионистской организацией Харбина, что позволило евреям Сибири эмигрировать в Маньчжурию и организовать постоянный «коридор» для выезда в Палестину по маршруту Сибирь — Харбин — Шанхай — Яффа [Курас, Кальмина 2021: 170, 171]. В Бурятии за 1910–1926 гг. численность евреев уменьшилась с 5 360 до 4 500 чел.² [Мангатаева 1995: 72], т.е. на 16%. Дальнейшее постоянное уменьшение еврейского населения в республике объясняется ассимиляцией, которая в советский период у этноса была выше, чем у какого-либо другого, в результате постоянного пристального внимания к нему власти как к элементу не вполне «благонадежному» и «симпатизирующему международному сионизму». Наибольшее сокращение числа евреев в Бурятии — почти вдвое и в абсолютных цифрах, и в процентном отношении — наблюдалось между

¹ Подсчитано по: *Первая Всеобщая Перепись населения Российской империи 1897 г.* (под ред. Н.А. Тройницкого). Т. LXXIV. Забайкальская область. СПб: Изд. Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. 1904. С. 61.

² Там же.

переписями 1989 и 2002 гг., что объясняется волной репатриации в Израиль в соответствии с идеей «воссоединения народа», получившей тогда в стране второе дыхание.

Мусульмане: принцип маятника

Отдаем себе отчет в некоторой некорректности определения «оптом» динамики численности мусульман в исследуемый хронологический период, поскольку мусульманский мир полиэтничен, и тенденции роста/уменьшения численности того или иного этноса, равно как и факторы, на нее влияющие, сильно различаются. В этническом составе мусульман Забайкалья по переписи 1897 г. абсолютно доминировали татары, составляя 79% [Перинов 2010: 17]. Если учесть, что всего в это время на территории нынешней Бурятии жили 657 мусульман, то понятно, что представителей других этносов, исповедующих ислам и оказавшихся в регионе исключительно как ссыльные, были вообще единицы.

В период 1959–1989 гг. азербайджанцы и узбеки показали более чем десятикратный рост численности в Бурятии, хотя в абсолютных цифрах последние не дотянули и до 1 тыс. Этот рост мы склонны также объяснить строительством БАМа, хотя исследовавшие этнический состав строителей отмечали, что основным источником пополнения населения зоны БАМа были Российская Федерация, Украина, Сибирь и Дальний Восток, а из республик Средней Азии на строительство ехали главным образом русские. В 1981 г., например, среди прибывших из Средней Азии русские составили 67,6%, тогда как представители коренных национальностей — только 2,7%, а в составе рабочей силы БАМа доля лиц коренных национальностей Средней Азии оказалась в 12 раз меньше, чем в населении страны [Белкин, Шереги 1985: 36, 38]. Интересно, что ученые объясняли это крайне низкой миграционной мобильностью народов Средней Азии и Закавказья [Вопросы географии... 1977: 118]. Сегодня это утверждение полностью опровергается высокой миграционной активностью коренного населения этих бывших союзных республик. Опросы представителей киргизской диаспоры показали, что причина их горячего стремления в Россию — невозможность самореализации на родине. В глазах молодых киргизов поездка на заработки в Россию уже повышает самооценку и вызывает уважение в обществе [Нанзатов, Содномпилова 2011: 84].

За период 2002–2021 гг. численность узбеков в Бурятии выросла в 3,3 раза, киргизов — в 2,7 раза, таджиков — в 3,4 раза. Это при том, что Бурятия долго ограничивала привлечение иностранной рабочей силы и планировала вовсе обойтись без нее во избежание растущей безработицы среди местного населения. К тому же республика была не очень привлекательна для мигрантов из-за дальности и более низких заработков, чем в крупных городах западной части страны и Сибири. Но постепенно они оценили ее преимущества. Наши опросы показали, что для мигрантов из Средней Азии особенно важно внешне не очень выделяться среди местных жителей, и в этом отношении они чувствуют себя здесь куда комфортнее, чем, к примеру, в русских областях западной части страны. Низкая миграционная мобильность сменилась зашкаливающей. Следует при этом отметить убывание численности татар в республике — с 10,5 тыс. чел. (1,01% населения республики) в 1989 г. до 4 тыс. (0,4%) в 2021 г. В основном они мигрируют в Татарстан: консолидация в рамках своей республики характерна и для них.

И наконец, необходимо отметить, что, как бы ни менялась этническая картина в Бурятии, республика остается территорией межэтнического согласия

и комфортного сосуществования населяющих ее народов. И это, пожалуй, самая устойчивая и долгосрочная тенденция.

Список литературы

Балдано М.Н., Кириченко С.В. 2015. Городское пространство Верхнеудинска/Улан-Удэ: от уездного города к столице республики. — *Идеи и идеалы*. Т. 1. № 2(24). С. 74-91.

Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. 1985. *Формирование населения в зоне БАМ*. М.: Мысль. 148 с.

Вопросы географии. Сб. 105. *Байкало-Амурская магистраль*. 1977. М.: Мысль. 216 с.

Дамешек Л.М. 2012. Сибирь в империи: империя в Сибири. Значение этнического фактора в окраинной политике Российской империи. Этапы становления и направления. — *Известия Иркутского государственного университета. История*. № 2(3). Ч. 1. С. 13-19.

История Бурятии. В 3 т. Т. 3. *XX–XXI в.* 2011. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 464 с.

Кальмина Л.В. 2003. *Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 года)*. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ. 423 с.

Кальмина Л.В. 2018. Этнологическая экспертиза как инструмент выявления этнической напряженности в Бурятии. — *Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов* (под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова). М.: Изд-во ИЭА РАН. С. 423-431.

Козулин А.В. 2004. *Демографические процессы в Забайкалье (конец XIX — начало XX века)*. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 210 с.

Курас Л.В., Кальмина Л.В. 2021. «План Фугу»: «еврейский вопрос» в Маньчжоу-Го. — *Вестник Томского университета. История*. № 71. С. 170-176.

Мангатаева Д.Л. 1995. *Население Бурятии: тенденции формирования и развития*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 131 с.

Нанзатов Б.З., Содномпилова М.М. 2011. Трудовая миграция граждан Кыргызстана в РФ: становление новой традиции. — *Мигранты и принимающее общество в Байкальской Азии: сборник научных статей*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. С. 73-86.

Осинский И.И., Бояк Т.Н., Добрынина М.Н. 2019. *Народонаселение Бурятии на рубеже XX–XXI вв.* Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 296 с.

Перинов В.В. 2010. *Мусульмане в Забайкалье (середина XIX века — 1917 год)*: автореф. дис. ... к.и.н. Улан-Удэ. 23 с.

Тишков В.А. 2023. О переписывании народов, или деконструкция переписей населения. — *Этнографическое обозрение*. № 4. С. 183-211.

Трансграницье России, Монголии и Китая: история, культура и современное общество: коллективная монография (отв. ред. М.Н. Балдано; науч. ред. П.К. Варнавский). 2024. Иркутск: Отгиск. 452 с.

KALMINA Lilia Vladimirovna, Dr.Sci. (Hist.), Associate Professor; Leading Researcher at the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; kalminal@gmail.com)

POPULATION OF BURYATIA, LATE 19th – EARLY 21st CENTURY: ETHNIC DISTRIBUTION

Abstract. Based on population census materials, the article defines ethnic situation in Buryatia for more than century. The author demonstrates that in spite of some changes in public-economic society and different targets in connection with this for the region in various periods, one can notice stable tendencies in ethnic development of the Republic.

Keywords: Buryatia, ethnic situation, identity, population census, Buryats, Russians, Evenki, Jews, Muslims

УДК 316.752

БРЫКОВА Светлана Сергеевна — аспирант, преподаватель Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а; s8yckova@yandex.ru)

ЗОЖ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ ЖИЗНЕННЫХ ЦЕЛЕЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматривается влияние здорового образа жизни на ценностные устремления молодежи. Основой исследования послужили данные статистики, опросы ВЦИОМа и контент-анализ. Было установлено, что для достижения жизненных целей молодежи ЗОЖ необходим как базовый элемент в аспекте сохранения физического и ментального здоровья, которое влияет на возможность достижения других целей. ЗОЖ, в частном случае – физическая культура, необходим для достижения и такой жизненной цели, как любовь. Автор находит взаимосвязь между уровнем дохода и приверженностью ЗОЖ; с этой позиции принципы ЗОЖ помогают достигать такой цели, как безбедная жизнь.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, молодежь, жизненные цели, спорт, физическая культура

Концепция здорового образа жизни (ЗОЖ) представляет собой комплекс знаний о способах поддержания физического и ментального здоровья человека. ЗОЖ — это не только культура, но и социальный процесс, и в этом качестве ЗОЖ находится в поле интереса социолога. Многоаспектность данного понятия приводит к тому, что интерпретации ЗОЖ расходятся, отсюда возникает сложность концептуализации. Следовательно, различается и роль, которую представители разных групп населения отводят ЗОЖ. В статье исследуется влияние ЗОЖ на жизненную ориентацию молодежи, поскольку для нее особенно важна дисциплинированность, которую ЗОЖ способен привить. Вопрос внедрения ЗОЖ как базовой установки молодого человека имеет высокую социальную значимость, потому что ЗОЖ традиционно приписывается сугубо положительная роль. Однако возможен и иной эффект. ЗОЖ в трудах, посвященных науке о здоровье, и ЗОЖ, существующий в представлениях молодежи, могут резко отличаться.